

КРЫМ И РУМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XIV ВВ.

Марк Григорьевич Крамаровский

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Цель заметок – анализ *анатолийско-исламского вектора* в духовной культуре золотоордынского Крыма в связи с *формированием* у значительной части тюркского населения полуострова *новой идентичности* в новых исторических условиях, сложившихся около середины XIII столетия. Известно, что на этот период одновременно со становлением ордынской государственности и общественно-правовых институтов административного

центра в Солхате приходится начальный этап процесса исламизации монголов. Новая религиозная парадигма усваивается тюрками Северного Причерноморья под влиянием Румского султаната и этот феномен требует, как представляется, отдельного рассмотрения.

Мне уже приходилось писать, что расположенный в Восточном Крыму на *границе двух ландшафтных зон – предгорной и степной* – Солхат был призван контролировать торговые караваны, следующие из Дешт-и Кыпчака по колесным дорогам предгорья к морским причалам полуострова. В то же время *через* Солхат осуществлялась доставка транзитов итальянской Романии, направлявшихся из генуэзской Каффы в сторону ханского домена. Удачный выбор места краевой административной столицы делал неизбежным участие города во всех крупных акциях Сарая в Крыму, в том числе и в деле миграционной политики золотоордынских ханов. Исторические источники позволяют датировать начало активной инфильтрации малоазиатских тюрок в Восточный Крым около 1265 г. и связать *первую волну диаспоры* со сторонниками экс-султана Рума ‘Изз-ад-Дина Кей Кавуса II (1246–1257; ум. 1280), пришедшими из Анатолии через Добруджу. До этого времени и даже в период захвата Судака сельджуками *Хусām ал-Дйн Чупāн’а (разброс дат от 1223 до 1228 гг. [см.: Джанов 2008, с. 46–78])* каких-либо заметных переселенческих потоков из Анатолии в Таврику нет. В Судак румийцами была построена мечеть и на время установлены законы шариата. Но масштабы этой акции нам неизвестны. По мнению современных медиевистов, строительство мечети и назначение имама не означали насильственного обращения жителей города в ислам. Сельджуки вскоре отправилась на родину, взяв с собой заложников из членов знатных семей Судака, но оставили в городе отдельный гарнизон. В то же время связи византийского Херсонеса с исламской Малой Азией, сложившиеся вне чингизидского контекста, носили, как представляется, локальный характер [материалы см.: Наследие византийского Херсона 2011]. Поскольку раскопками в Херсонесе выявлена значительная группа сельджукской керамики и др. материалов из Румского султаната, в том числе фрагменты металлической лампы [Притула 2006, с. 541–550], чей тип не характерен для частного дома, я не исключал бы возможности существования в северной части города за несколько десятилетий до пожара 1290 г. какой-то иноверческой общины. Вероятно, ее разрушение совпало с периодом сельджукской экспансии в конце 1-й трети XIII в. Связаны ли разрушения в северных кварталах Херсонеса с сельджуками *Хусām ал-Дйн Чупāн’а* – предположение, остающееся в рамках рабочей гипотезы.

Наиболее надежными сведениями мы располагаем об орде малоазиатских сельджуков, пришедших около 1265 г. во главе с *Сары Салтуком*

в Юго-Восточный Крым с территории Балкан. Об этом сообщает историческая компиляция, составленная турецким автором *Йазийи-оглу Али* в период правления султана Мурада II (1421–1451), возможно, в 1424 г. [Wittek 1950, р. 639–667]. Согласно данным компиляции, опирающимся на сведения *Ибн Биби* (XIII в.), собранным для автора «Истории Завоевателя Мира» *Ата-Мелика Джувейни* (1266–1283), в Крым вслед за низложенным султаном Рума ‘*Изз ад-дином Кей Кавусом II* пришли не только воины-всадники, но и члены их семей. Данных о топографии расселения анатолийских тюрок в Крыму нет. Пришельцы были поселены, по-видимому, вне городов, но сами «*Солхат и Сут(д)ак*», согласно *Ибн Биби*, переданы ‘*Изз ад-дину*, зятю хана Берке, в *икта* [История... 2006, с. 66]. Сейчас принято трактовать крымское *икта* как пожалование, данное под условие вассальной службы. В чем состояли обязанности султана, мы не знаем, но, по-видимому, они носили чисто демонстрационный, т. е. политический характер. Не случайно родственник хана и потенциальный претендент на трон Рума, экс-султан и его семья состояли в списке бенефициариев, получавших подарки из Каира, приходившие в столичный Сарай. Увы, но сколько-нибудь археологически убедительных следов пребывания семьи или близкого окружения ‘*Изз ад-дина Кей Кавуса* ни в Солхате, ни в Судаке нет. Находка подвесной свинцовой печати с двуглавым орлом и арабской легендой с титулами трех соправителей Рума 1249–1257 гг. – ‘*Изз ад-Дина Кей Кавуса II, Рукн ад-Дина Килич Арслана IV и Ала ад-Дина Кай-Кубада II* в Белогорском районе Крыма – свидетельствует, что контакты султанов Рума с ордынской администрацией были установлены не позже середины XIII в. [Хромов 2013, с. 123] Печать была найдена в районе с. Межгорье, где, возможно, находилась летняя ставка крымских *баскаков*. Около 1380 г., после смерти ‘*Изз ад-Дина*, сельджуки *Сары Салтука* вернулись обратно в Добруджу. В Крыму же с XIII в. постепенно укоренился культ последователя *Сары Салтука* шейха *Кемаль Баба (Кемаль Ата)*. *Кемаль Ата* умер в Солхате до 1278 г., и в память о нем по указанию *Сары Салтука*, возможно, были построены *суфийская обитель и мавзолей*, ставшие *зияретом* (оба сооружения не сохранились). Между тем *Масуд*, старший сын экс-султана, вернувшись на родину после 1280 г., был признан правителем восточной части Румского султаната (западный Рум возглавил его двоюродный брат *Кей Хосров III б. Рукн ад-Дин*). Здесь уместно коснуться гипотезы о чекане медных монет *Масуда II* в Крыму в рамках бывшего феода отца. Е.Ю. Гончаров, отмечая многовариантность штемпелей фельсов, редукцию легенд и падение их веса, акцентирует признаки, свидетельствующие о длительности монетной эмиссии. Между тем *Гийас ад-дин Мас’уд II б. Кей-Ка’ус* оставался в Кры-

му всего около двух лет, а по возвращении в Малую Азию в 1282 г. вскоре погиб. Едва ли гипотетическая чеканка Мас'уда могла по месту не иметь отношения к ленному владению его отца. Икта 'Изз ад-Дин Кей-Ка'уса, по аналогии с сирийской традицией, носила территориальный характер и заключалась в праве налоговых сборов (скорее, части налогов) с двух богатых крымских городов для удовлетворения собственных нужд и содержания семей всадников его орды. В этом крымское держание экс-султана напоминало тип военного икта в Сирии. Но собственной монетной эмиссии такое держание не предполагало. И если его не было у отца, то можно ли предполагать крымскую чеканку монеты у сына? Между тем сельджукское влияние отложилось в иконографии двуглавого орла на ордынских пулах с тамгой хана Тулабуги (1287–1290), чеканенных в Солхате; в середине XIV столетия стилизованный двуглавый орел чеканится в Крыму на именных пулах Джанибек хана.

Прямых данных о характере религиозного влияния сельджукской диаспоры времени 'Изз ад-Дина на исламскую общину Солхата нет. Известно лишь, что турки *Сары Салтука*, как можно судить по сведениям *Йазийи-оглу*, не были устойчивы в своих религиозных предпочтениях, колеблясь между исламом и православием. Тем не менее возникновение в Солхате около 1263 г. первой мечети свидетельствует о формировании мусульманской общины, ориентированной, как свидетельствует «Кодекс Куманикус», на тюркско-кыпчакское население города. Естественно, что сюда же вошла и не слишком многочисленная исламизированная монгольская элита. Известно, что Джучиды, выбирая ислам, невольно повторили опыт Великих сельджуков. На это было несколько причин. *Первая* состояла в выборе модели ислама, тяготеющего к *суфизму* – «...особого мистического, религиозно-философского мировоззрения в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта непосредственное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством. Оно достигается путем экстаза или внутреннего озарения, ниспосланных человеку, идущему к богу с любовью к нему в сердце» [Тримингэм, 1989, с. 4]. К.Э. Босворт мотивировал этот выбор за счет сохранения в народном исламе тюрков родимых пятен *тенгрианства* и др. верований, связанных с *шаманизмом*. Скрытым язычеством он объясняет не только выбор тюрками доктрины *суннизма*, но и его *ханафитского мазхаба* [Босворт, 1981, с. 32]. Наблюдение о значении тенгризма безуспешно пытается отрицать Э.Г. Сайфетдинова, хотя сама вынуждена констатировать правомерность замены слова «*Аллах*» обращением «*Тенгре Тагаля*» в сочинении Махмуда ал-Булгари «*Нахдж ал-Фарадис*» («Путь в райские сады»)

(1358) [Сайфетдинова 2014, с. 75–76]¹. При Берке (1257–1267), первом из джучидских ханов, принявших ислам, новая религиозная доктрина не могла не учесть инокультурное большинство ханского окружения, состоящего из последователей тенгрианства, шаманистов, буддистов и несториан. Как отметил Дж.С. Тримингем: «Роль суфизма здесь была очень значительной, но не в качестве тарика – «пути» мистического познания, а благодаря святым, наделенным сверхъестественной силой, проявлявшейся даже после их смерти, исходившей от гробниц, многие из которых были возведены монгольскими правителями» [Тримингэм 1989, с. 81]. О.Ф. Акимушкин назвал эту линию массового ислама *рефлекторным суфизмом* [Тримингэм 1989, с. 3]. Обращение Берке произошло, как известно, в Бухаре. Его наставником стал *суфий ордена кубравийа Сайф ад Дин Са'ид ал-Бохарзи* (ум. 1260)². В 1333 г. мавзолей и обитель *Са'ида ал-Бохарзи*, сооруженные в Бухаре попечительством Тимура, а также и гробницу *Наджмаддина Кубра* (1145–1221), наставника самого *Са'ида ал-Бохарзи*, посетил арабский бербер, *шейх и кадий* Ибн Баттута, *суннит маликитского толка*. В обители *Са'ида ал-Бохарзи* он присутствовал при исполнении *сама* – религиозных песнопений и радений с музыкой и танцами, характерных для суфиев. Несколько ранее – весной того же года – Ибн Баттута встретил в Солхате малоазийского шейха *Абу Бакра Руми*, представителя *шафиитского* меньшинства и автора суфийского трактата «*Каландар-наме*». Оригинал персоязычного списка «*Каландар-наме*» хранится в Ташкенте и изучается в Казани группой исследователей под руководством И.М. Миргалеева [Миргалеев 2014, с. 41–45]. Абу Бакр родился в Акхешире (Анатолия), но до конца жизни, по-видимому, служил *имамом* одной из двух соборных мечетей города. Если ему было суждено дожить до середины века, он мог быть похоронен в одном из самых монументальных городских мавзолеев этого периода, открытого нами в районе северо-западного сектора городской оборонительной стены, датируемой второй половиной 70-х гг. XIV в. Это была каменная усыпальница с порталом и, как можно предположить, шатровым перекрытием, облицованным бирюзовыми изразцами. Конструктивно солхатский мавзолей близок маджарским, известным по литографиям из книги П.С. Палласа и рисункам 80-х гг. XVIII в. М.М. Иванова [Зиливинская 2014, рис. 145, 153].

Принципиально важно, что в ономастиконе Солхата нередки имена представителей *сельджужской диаспоры*, чьи отцы, судя по *нисбам*, были

¹ Отрицание автором [Сайфетдинова, 2014, с. 76] нормы многоликости ислама в свете современных исторических представлений вызывает недоумение. Махмуд Булгари (1297–1360) родился в окрестностях Булгара, но большую часть жизни прожил в столичном Сарае.

² Краткую характеристику ордена Кубравийа [см.: Тримингэм, 1989, с. 55–57].

выходцами из Анатолии. Среди них: *ал-Кастамуни*, XIII в., *ал-Ахлати* (в имени Ходжи Ахмеда, сына абу-Касыма), *ат-Токати*, *ас-Сиваси*; в этом же ряду – имя шейха из Отуз, что рядом с Солхатом, – *Якуба Конев* (729 г.х. = 1328 г.) [Акчокраклы 1927, с. 4, 11, 12]. Уместно также отметить имена двух строителей (архитекторов), принадлежащих к разным поколениям одной (?) семьи из *Арбел* (Ирбиля) в Северном Ираке. Первый – автор так называемой «Мечети Узбека» 1314 г. *Абдул-Азиз ибн Ибраим ал-Ирбили*, чье имя содержится в посвянительной надписи портала. Его появление в Крыму близко по времени к кровавой смуте в Арбеле в 1310 г., сопровождавшейся резней между тюрками-мусульманами и тюрками-христианами, вызванной враждебным отношением к городской администрации группы боевиков-скалолазов, которых Ильханы использовали при штурме горных укреплений [Притула 2014, с. 294]. Каталикос Йабалаху III (1281–1317) даже приводит актуальную для времени смуты поговорку: «*Вот она, Арбела, которая проклята Господом*» [Пигулевская 2000, с. 753]. Вторым – Махмуд ибн *Осман ал-Ирбили* известен по надписи на замковом камне из слоя разрушения небольшого мавзолея XV в., располагавшегося неподалеку от портала возобновленной мечети Узбека, раскопанного нами в 1985 г. Выходцами из Ирака, как свидетельствует Ибн Баттута, были основаны в Крыму и суфийские обители (*ханака*) – средоточия религиозного рвения и «школы» передачи *суфийского опыта*. И так, распространением суфизма в Золотой Орде занимались представители братств *ясевийя*, *вефаи*, *хайдери*, *каландари* и др.

Мы не знаем, какой из школ *мазхаба* – *шафиитской*, *ханафитской*, *маликитской* или *ханбалитской* – принадлежали солхатские выходцы из Анатолии. Но, благодаря Ибн Баттуте, известно, что доминирующие позиции в общине Солхата занимали *ханафиты*. Тем не менее источники сообщают и о *шафиитах*. Каирский арабист Амин аль-Холи приводит сведения о нахождении в Крыму в начале XIV в. представителя *арабского суфизма*, *шафиита* из ордена *рифая* [Амин аль-Холи 1962, с. 18]. О необыкновенных обрядах, которыми славился этот орден мы знаем по *Рихла* Ибн Баттуты. Таким образом, «*малые миграции*», о чем свидетельствуют нарративные источники и имена анатолийских и северо-иракских беженцев, включая их крымскую ветвь, явились *второй* и, надо полагать, *основной* причиной укоренения сельджукской прививки в культуре исламской общины города.

Литература

Wittek P. Yazijioghlu ‘Ali on the Christian Turks of the Dobrujia / P. Wittek // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. – Vol. XIV. – Part 3. – 1952.

Акчокакры О. Старокрымские и огузские надписи XIII–XIV вв. / О. Акчокакры // Оттиск из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии». – Т. I (58), 1927.

Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. сокращ. пер. с арабского / Амин аль-Холи. – М., 1962.

Босворт К.Э. Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире / К.Э. Босворт; перев. с англ. М.Б. Пиотровского // Мусульманский мир 950–1150. – М., 1981.

Джанов А.В. Походы сельджукских войск на Сугдак и в Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада I / А.В. Джанов // Сугдейский сборник. – Вып. III. – Киев-Судак, 2008.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды / Э.Д. Зиливинская. – Ч. I. – Культурное зодчество. – М.; Казань, 2014.

История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Доп. и перераб. изд. – Алматы, 2006.

Миргалеев И. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? / И. Миргалеев // Крымское историческое обозрение. – № 1. – Казань-Бахчисарай, 2014.

Наследие византийского Херсона / Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев. – Севастополь-Остин: Институт классической археологии, 2011.

Притула А.Д. Фрагмент бронзовой ажурной лампы для мечети из раскопок Херсонеса / А.Д. Притула // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО) Новая серия. – Т. II (XXVII). – СПб., 2006.

Сайфетдинова Э.Г. Суфийские традиции в духовной культуре Золотой Орды / Э.Г. Сайфетдинова // Золотоордынское обозрение. – № 1 (3). – Казань, 2014.

Тримингэм Дж.С. Суфийские ордена в исламе / Дж.С. Тримингэм; пер. с английского под редакцией и с предисловием О.Ф. Акимовской. – М., 1989.

Хромов К.К. Сельджукская печать из Крыма / К.К. Хромов // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. – Ч. III. Улус Джучи, крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. – Киев, 2013.